

Ильяс Аутов



Ильяс Рахимжанович Аутов – заслуженный деятель Республики Казахстан. Родился в Алма-Ате. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (ныне КазНУ им. Аль-Фараби). Прошёл срочную службу в рядах Вооруженных сил СССР. Работал корреспондентом различных газет и журналов, ведущим теле- и радиопрограмм и ток-шоу, специалистом по рекламе, копирайтером. В 1993 году создал группу «Мотор-Роллер», лидером которой является и поныне, а также автором практически всех её песен. Впервые Ильяс Аутов и

его группа громко заявили о себе в 2010 году, когда их «Песня о войне» стала хитом Интернета, быстро набрав после премьеры миллионы просмотров. В дальнейшем такую же широкую международную известность приобрела «Песня про советское детство» и многие другие, такие как: «Анна», «Русский и азиат», «Баранина», «Притча о братьях», «Брестские крепости». Последнюю нередко называют гимном нашего времени, а строчка из неё «Наш народ не сотрёшь в порошок, его можно стереть только в порох» была даже отчеканена Московским монетным двором на памятном жетоне, выпущенном в честь героев Первой мировой войны. То, что творчество Аутова и его группы близко многим людям, показывают их выступления не только в республиках бывшего Советского Союза, но и многочисленные концерты, гастролы и творческие вечера в Германии, Финляндии, Чехии, Великобритании, Сингапуре, Гонконге и других странах. Поклонники «Мотор-Роллера» по собственной инициативе перевели песни Ильяса Аутова на казахский, белорусский, английский, болгарский, немецкий и японский языки. Ильяс имеет ряд наград от общественно-политических и общественно-патриотических организаций России и Казахстана, а также медаль «Благодарность» от Русской православной церкви. В 2020 году стихи Ильяса Аутова были включены в обязательную общеобразовательную программу для казахстанских средних школ. Ильяс неплохо проявил себя и в кинематографе: в октябре 2022 года художественный фильм «Мама, я живая!», в котором он сыграл одну из главных ролей, получил Гран-при Каннского фестиваля в номинации «Лучший фильм стран Шёлкового пути».

ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

Проснулись все, кому спалось, –
На небе что-то взорвалось.
Я распахнул своё окно и глянул вверх.

И тут мне сзади говорят:
«Ты посмотри, опять бомбят!»
А я в ответ: «Да это ж просто фейерверк».

Кому в ответ? Кто говорил?
Ведь я один в квартире был.
Жена у матери – давно, наверно, спит.

Я обернулся. Что за бред?
Передо мной стоял мой дед,
Мой дед, который в сорок пятом был убит.

Шинель, пилотка, ППШ...
А я стоял, едва дыша,
И головой своей мотал, чтоб сон прогнать.

Но дед не думал уходить,
Он попросил воды испить,
Потом сказал: «Присядем, внук. Чего стоять?»

Напротив деда я сидел
И словно в зеркало глядел.
И дым махорки, незнакомый мне, вдыхал.

А он курил и говорил
Про то, где воевал, где был
И как на Одере в него снаряд попал.

БРЕСТСКИЕ КРЕПОСТИ

Тут его взгляд задумчив стал,
И дед надолго замолчал.
Потом вздохнул и произнёс: «Скажи мне, внук,

Ты отчего же так живёшь,
Как будто свой башмак жуёшь,
Как будто жизнь для тебя – сплошной недуг?»

Я растерялся, но потом
Ему всё вывалил гуртом:
Что современный человек – такая дрянь!

Что я ишачу на козла,
Что в людях совесть умерла
И что отмыться им не хватит в мире бань.

Я что-то там ещё кричал,
Но тут кулак на стол упал;
Горящим, страшным взглядом дед меня сверлил:

«Тебе б со стороны взглянуть,
Мой внук, на жизни твоей суть,
И ты б тогда совсем не так заговорил.

Ты был талантлив, всех любил,
Но всё в деньгах похоронил.
Искал разгадку смысла жизни, а теперь

Ты ищешь баб на стороне,
Забыл о сыне и жене,
И между миром и тобой стальная дверь.

Неужто ради ваших склок,
За хлеб и зрелища мешок
Мы погибали под огнём фашистских крыс?!

Эх, нету Гитлера на вас!
Тогда б вы поняли за час
Всю ценность жизни, её прелесть, её смысл».

Уже рассвет входил в мой дом,
И пели птицы за окном.
Солдат исчез, и я вдруг начал понимать:

В любом из нас сидит война, –
Не знаю, чья в этом вина, –
И нам нельзя на ней, ребята, погибать.

В любом из нас сидит война, –
Не знаю, чья в этом вина, –
И нам нельзя ее, ребята, проиграть.

Нас никто штурмом не брал,
Все ворота мы сами открыли.
Даже тем, кто до крови кусал,
Без враждебности жить предложили.

Они были поражены,
Что мы так безрассудно беспечны,
Что придуманный комплекс вины
Так покорно взвалили на плечи.

А вины насчитали нам лес
Эталоны надменной Европы:
Это наш азиатский замес
И масштабища наши циклопы...

Продолжая к нам в дом проникать,
Многоопытная заграница
Стала нас у корней подгрызать –
Без корней легче договориться.

Она сгрызла учёных, врачей,
Придушила кинематограф,
Обглодала учителей,
И свой глобус пропил географ.

Прогрызала дыры в мозгах,
Чтобы тряпки туда вконопатить.
Наша воля лопалась в швах,
И совсем продырявилась память.

И когда уже стали в глаза
Называть нас «тупая нелепость»,
Я, решив, что так дальше нельзя,
Превратился в Брестскую крепость.

На клочке материнской земли
Я твердел в круговой обороне,
Чтоб хотя бы его не смогли
Оккупантов вытоптать кони,

Чтоб хотя бы детей не отдать
В рабство их содомитской культуре.
Мне бы раньше пойти воевать!
Но нас очень хитро надули.

Мир плясал вокруг дудки врага,
И предатели власть жировали,
У нацистов окрепли рога,
Им юродивые подпевали.

И казалось, до пропасти шаг,
И, когда эта пропасть разверзлась,
В небо взвился вдруг Родины флаг –
Это билась ещё одна крепость!

И другие бились вдали,
Все в дыму, но полные жизни.
Значит, всех подкосить не смогли
«Благодетели» нашей Отчизны.

И я понял: дайте нам срок,
Мы сметём этой нечисти ворох!
Наш народ не сотрёшь в порошок,
Его можно стереть только в порох.

Не дай бог вам с огнём лезть к нему,
Проверять того пороха силу, –
Он врагов не бьёт по одному,
Он их рейхами валит в могилу.

Но урок давний впрок не пошёл,
И спустя всего два поколения
Новый рейх у порога расцвёл,
Хочет дани и повиненья.

Сколько раз объяснять дуракам,
Наших дедов слова повторяя:
Мы все выплаты вам по счетам
Совершаем 9 Мая!

Что ж, опять объясним дуракам,
Наших дедов слова повторяя:
Мы всегда, по любым вам заплатим счетам,
Каждый раз – 9 Мая!

ПОЕЗДА НА ВОЙНЕ

Телевизор крутил старый фильм про войну:
Сбитый «юнкерс», пылая, в болоте тонул.
Бронепоезд прицельным зенитным огнём
Превратил в один миг аса в металлолом.

И спросил удивлённый сынишка тогда:
– Пап, а правда, умеют стрелять поезда?
Ведь когда нас на море возил паровоз,
Никакие он пушки с собою не вёз.

– Правда, – молвил отец. – И не только стрелять.
Поезда на войне могут даже летать,
Как летали они – точно ангелы в ад –
Над водой, хлеб в блокадный возя Ленинград.

Как железные, длинные руки страны,
Поезда лезли в самую гущу войны,
И, хоть смерть тут и там стерегла горизонт,
Всё – от танков до соли – тянули на фронт.

Смерть в истерике была по этим рукам,
О колено ломала их напополам,
А они, растирая все муки в муку,
Всё тянулись к Берлину – к её каддыку.

Но для наших они в те суровые дни
Материнским, родным рукам были сродни.
Вспоминают о них со слезами в глазах
Те, кого в санитарных спасли поездах,

Тот, кто чудом в последний вскочил эшелон,
Когда город родной полыхал, как картон;
С пистолетом пустым на подножке стоял
И вернуться сюда себе клятву давал.

Знают дети войны, знает каждый боец,
Фронтная теплушка – лучший дворец.
Только здесь встретишь столько
прекрасных людей,
Столько чистых и тёплых услышишь речей.

Я не видел войны, но ты знаешь, сынок,
Когда слышу в ночи паровоза гудок,
Вдруг во мне просыпается кто-то другой –
Кто с платформы ведёт с чёрным «юнкерсом» бой.

И товарищей крики «ни шагу назад!»
В одночасье на всё изменяют мой взгляд.
Сквозь ту чушь, что казалась важною мне,
Вижу главное – Родина снова в огне!

По ней, как по тому бронепоезду, бьют,
А она рвётся вдаль, не меняя маршрут,
По Великой Железной дороге своей.
И я должен быть с ней. Я всегда буду с ней!

ПРИТЧА О БРАТЬЯХ

На душе от весёлой сказки
Хорошо, как от шашлыка.
Жили братья по соседству,
Словно с правой левая рука.

Жили, как наставляли предки:
Чтили труд, дух был добр и твёрд.
Но однажды ночью
К брату младшему в дверь постучался чёрт.

Он скулил: я, мол, иностранец,
Заплутал и под дождь попал...
До утра его пустили,
Он на целых шесть недель застрял.

Жил, как барин, ел, как лошадь,
Серой крысой по углам шнырял.
И тихонечко на ухо
Всякое хозяину шептал.

– Милый друг, ты ведь голодранец!
Старший брат тебя обокрал –
Из отцовского наследства
Он объедочки тебе отдал,
А у самого от злата
И каменьев ломится подвал.

Он тебя высосет, как водку,
И заест твоею женой.
Если ты его сейчас не свалишь,
Не останешься живой.
А ещё есть документик,
Что тебе не брат он никакой.

Ты не трус, что он станет драться.
Только пусть шевельнёт рукой,
Иностраня моя вся
Дружно встанет за тебя стеной.
Она всем заступница, кто слабый
И обиженный судьбой.

Тут вскипел младший брат, как чайник.
Он схватил камень да топор,
Выбил брату стёкла, зарубил собаку
И поджжёт забор.
Ясень родовой спилил,
Да тот к нему же и упал во двор.

И забор, пламенем объятый,
Подпалил дом его и сад.
Взвыл несчастный поджигатель,
Смотрит – черти во дворе кишат,
Вроде тушат, а на деле
Посильней огонь раздуть спешат.

Унесли черти в суматохе
Всё добро, с деньгами мешок,
А тот, кого он приютил,
Жену за косы в поле уволок.
И к утру богатая усадьба
Превратилась в уголёк.

С той поры пролетели годы.
Младший брат жив, да не здоров, –
В Инострании у чёрта
Служит главным по мытью полов.

Всё понять не может,
Как он наломал таких ужасных дров.
Плачет о былом, где были счастье,
Брат, семья и милый кров.

Сказка ложь, да не без намёков.
А они тут не глубоки:
Не пускайте в дом чужих,
Покрепче запирайте все замки, –
Черти вечно ищут те места,
Где созревают дураки.

БУМАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил бумажный человек
В нарисованных штанах,
С нарисованной женой
В нарисованных шелках.

Он сидел в бумажном кресле
И бумаги рисовал,
Нарисованной улыбкой
Всех встречал и провожал.

Вырисовывалась жизнь
Так, как он о ней мечтал.
Он не ссорился ни с кем
И детей не рисовал.

Но всегда имел в избытке
Нарисованных друзей
И рисующихся женщин –
Чтобы было веселей.

Он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив, как никто другой.
Он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив.

Но пришла к нему беда:
Кто-то на бумажном тельце
Вывел кончиком помады
Красное большое сердце.

Просто сердце, скуки ради,
Но бумажный человек
В рисовальщицу влюбился
И решился на побег.

Он бродил, искал в тетрадных
Клетках слабые места,
Чтобы вырваться к любимой
Из бумажного листа.

А любимая смеялась
И дразнила дурака –
Рисовала ему часто
Очень длинные рога.

Но он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив, как никто другой.
Но он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив.

Он пылал такой любовью,
Что однажды начал тлеть.
Многое снесёт бумага,
Но огня ей не стерпеть.

Он горел, и с ним горели
Его деньги и сады,
Нарисованные виллы
И бумажные цветы.

И когда всё стало пеплом
И взлетело в небеса,
Он запутался, счастливый,
У любимой в волосах.

Жил бумажный человек
В нарисованных штанах.
Он запутался, счастливый,
У любимой в волосах.

Два человека во мне живут –
Русский и Азиат.
Они то, обнявшись, песни поют,
То псом друг на друга рычат.

Они вечно спорят за право быть мной
И делят меня так и сяк.
Один выбрал внешность, душу – другой,
В которой всегда всё не так.

Я переливаюсь, как детский значок, –
Какая моя сторона?
А месяца тоненький завиток
Приник к крестовине окна.

Я вместе несу их – и крест и луну.
Я – скрепка на стыке миров.
Упрямо разодранную страну
Сшиваю я из кусков.

И слышен такой ослепительный блюз,
И искры до неба летят,
Когда во мне сходятся минус и плюс –
Русский и Азиат.

Друг друга они берегут и бранят,
Едят друг у друга из рук,
Бегут друг от друга, но снова назад
Несутся стрелой, сделав круг.

И, крепко обнявшись, в конце всех дорог
В священную глину они упадут
И преобразятся, когда выйдет срок,
В кирпич и звонкий сосуд.

Один обогреет, накормит другой,
Далёких потомков, смешных пацанят,
В чьих жилах посеют навек непокой
Русский и Азиат.